

Молодая гвардия: Таганка

Мир за неделю — 1999 — 27 нояб. — 4 дек. с 11

Влад ВАСЮХИН
Огонек.

Распространяется только в розницу

Прежняя «Таганка» — разделена стеной, как раньше Берлин. Общего у двух театров — водопровод и память о Высоцком. Все остальное — разное: и вешалки, и двери, и подмостки, и репертуар, и режиссеры с актерами, и публика. Особенно публика. «Любимовские» билетерши «губенковских» зригелей различают еще до того, как те вытащат из штанов билеты: «У наших — глаза другие... А вам, товарищ, направо...»

О некрасивом и мучительном разделе легендарного театра, о страстях, его сопровождавших, о судах, демаршах, хождениях по инстанциям, о дружбах-врагах написано много. И я ковыряю едва зарубцевавшуюся рану не хочу. Но, как говорится, не было счастья, да несчастье выручило: взамен отгородившихся стеной Любимову срочно потребовались новые актеры. И в театре, по которому тогда очень многие отслужили поминальную молитву, возникли юные лица — студенты Щукинского училища.

«Таганка» — хулиганка, театр-бунтарь не захотел превратиться в музей, в мемуары, в «театр моей памяти». Не зря же одна из премьер с участием нового поколения символически называлась «Подорожок». Послушаем вчерашних новобранцев.

Дмитрий Муляр: «Не забуду свои первые ощущения. Юрий Петрович набирал курс. Прослушивали нас прямо в театре. Я пришел ранним утром, только что с поезда — родом я из Брянской области. Знал о театре мало, поверхностно. И вдруг одна актриса, вешая авоську в гардеробе, поинтересовалась у вахтера: «Что у нас сегодня? «Высоцкий»? Обыкновенный театральный вопрос. А меня от него заколотило, дрожь по всему телу... Конечно, ко всему привыкаешь, но когда после отпуска я иду по нашему подземному переходу, то снова — это первое, странное волнение...»

Анастасия Колпикова: «Поступала я четыре года. Во все места, как положено. И в последний год меня уже везде брали, но я сюда пошла — все-таки «Таганка», Любимов... Как говорит Юрий Петрович, «наша эстетика». Она и моей оказалась. Нам не разрешили сразу играть, лишь с третьего курса, зато у меня за год случилось восемь премьер! Мы не играли в Москве, ведь шел 1-й отдел театра. А Юрий Петрович решил: если нас не будет в Москве, общест-венность возмутится, вмешается, и нас поддержат. А общественность даже не заметила! И мы целый год гастролировали по разным городам, очень много у буржуев играли...»

Ирина Линдт: «Я о себе чита-

Фото из журнала «Огонек»

ла, что я в прошлом цирковая эквилибристка, после «Марат-Сада» писали: Юрий Петрович пригласил циркачку. Нет, с цирком у меня никаких отношений не было. Я тоже училась в Щукинском, а до этого работала в Театре русских немцев. Линдт — это не псевдоним, это фамилия отца. Он из польвожских немцев. Родители его родителей во время Первой мировой эмигрировали из Германии в Россию. А мама моя русская.»

Владислав Маленко: «Оружейный переулочек на Маяковке, я вырос там. Из окон странный голос звучит и его не выключают: Высоцкий! Вот мое первое приобщение к «Таганке». Вообще-то я «Щепку» окончил, Щепкинское училище. Студентом работал в Театре Моссовета, несколько ролей сыграл. И тут Валентин Рыжий, мой педагог, он на «Таганке» работает, спросил: «А хочешь познакомиться с шефом?». Еще бы! Я пришел, мы поговорили тихо — о том, о сем, обо всем на свете. Любимов спросил вдруг: «Ты, я слышал, пародируешь. Давай, ты — Ельцин, а я тебе буду вопросы задавать». И я начал отвечать, менять маски, когда в маске — не страшно, что перед тобой Любимов, что-то пел — Вертинского, Окуджаву, Утесова, свое. И этот вынужден ему понравился: «Давай завтра — в спектакль «Высоцкий», ты не против?». «Как — против?! Я только боюсь жутко». А через несколько недель я уже с этим спектаклем поехал в Киев на гастроли...»

Диана Настя, Ира, Влад...: Понятно, что, говоря о новом поколении таганковцев, нельзя ограничиться этим великолепным кварталом. Другие разобидятся, а зачем их обижать, вдруг среди не по-

павших на журнальную полосу окажутся будущие кумиры и гении? Театр вообще материя тонкая, нервная, непредсказуемая.

Только есть еще один герой, лучшим образом подходящий под определение «молодая «Таганка». Это Юрий Петрович Любимов. Когда ребята говорят, что в театре он самый молодой, они не лгут с дальним прицелом (обмануть Петровича трудно — он за лояльность и красивые слова ролей не раздает). Энергия патриарха мировой сцены можно по-хорошему завидовать, уважать его работоспособность, рукоплескать отменному качеству последних премьер. О чем ему и было замечено, а он сделал вид, что не понял. «Вы что, смеяться хотите?» — спросил Любимов. — Какая «молодая «Таганка»? Все знают, что мне 82 года...» Однако на вопросы о своих актерах все же ответил.

— Как вы их отбираете, Юрий Петрович?

— По дару Божьему...

— Так он ведь часто дается в придачу с дурным характером!

— А если отбирать по хорошему характеру, то театр хороший не создашь... Когда я Высоцкого брал, мне сказали: «Что же вы его берете?! Он же выпивает, и очень сильно». А я ответил: «В России и в моем театре одним алкоголиком больше, одним меньше — ничего не решит. Он спел, я послушал. Так что благодарю вас, но акт уже свершился: взят».

— А среди молодых актеров...

— Есть ли пьющие?! Есть, и сожалению.

— Об этом-то я догадываюсь! А есть ли среди них будущие Высоцкий, Демидова или Антипов? Кто-нибудь из новобранцев станет звездой?

— Видите ли, во-первых, я ведь не звезда, а актер, который нас упал после всяких перестройничего не давших, эта звездная система России не очень подходит. Нет условий, чтобы возникали звезды. Это все арапство чистейшей воды. Вы и без меня знаете.

— Вы молодых актеров чванливо или ругаете?

— Да, по-моему, всякий нормальный человек, если у него какие-то представления о ладном, должен быть собой недоволен.

— А любимчики у вас есть?

— Я стараюсь нормально относиться ко всем и требую выполнения театральной дисциплины. Каждый гражданин обязан выполнять законы, которые у нас никто не выполняет, так и в театре.

— А за что вы можете выпнуть?

— Ну за беспрерывное пьянство. За опоздания беспорядочные, за то, что актер всегда приходит на работу не в форме. Не готов к репетиции.

— Когда было легче быть молодым — раньше или сейчас?

— Нам, каждому поколению кажется, что его век особенно суров, а это не так. Поэтому я за фразу Брехта: «За последние четырнадцать столетий мало что изменилось». Я считаю, психологический театр умирает, он не может выжить в этом стремительном потоке. У людей клиповое мышление. Требуются новые формы, неконсервативные, каждый ищет, как это сформулировать.

«А вы узнаете меня?» — спросила Настя Колпикова, когда я звякнул ей насчет интервью. «Что за вопрос? Я же вас не раз на сцене видел». «В том-то и дело! — вздохнула она. Мне потом часто говорят: надо же, а на сцене — красавица!»

Настя играет почти во всех спектаклях. Одна из ролей — Булгаковская Маргарита, где исполнительница появляется обнаженной. Спектакль старый, Любимов раздел Маргариту еще при коммунистах. «Если бы это было в другом спектакле, я бы возмущалась! — возмущается Настя. — Но одетой Маргариту показать нельзя, в романе написано, что она с одной цепочкой на шее. Юрий Петрович показал ее со спины. Никаких пошлых мыслей, все, что нужно, того и не видно. И если бы это был другой ракурс, я бы отказалась. И со сцены никому ничего не заметно — контрольный свет, только абрис...»

— Настя! — допытываюсь у Колпиковой за чашкой кофе. — Есть такое понятие «адвокат дьявола» — человек, задающий провокационные вопросы. Скажите, вам изнутри лучше видно: «Таганка» — та или не та? Жива она или умерла?

— Если бы это был мертвый театр, — отвечает она, не задумываясь, — в зале было бы пусто. Люди не пойдут смотреть на мертвечинку. Зал полный, значит, театр живой. Разве я не права?..